Автор: Нам письмо!
02.01.2019 21:58

"...прилагаю творческий отчет о КМ-2018 в форме парашуток, инспирированных конкурсными текстами и дискуссиями...".

МОЦАРТ И БОШИРОВ

(Kleine Nachttragedie)
(Очень маленькая ночная трагедия в двух картинах)

Действующие лица:

Александр Петров, полковник ГРУ
Руслан Боширов, майор ГРУ
Калиостров, штатный маг третьей ступени ГРУ
Вольфганг А. Моцарт, композитор
Старый скрипач
Прохожий

Картина 1. Москва. Главное Разведывательное Управление Генштаба РФ. Конец 2 декады XXI в.

Петров: Все говорят – нет правды... Что за бред!
Конечно, правда есть – скажи, Боширов?

Боширов: Так точно, есть, а кто – кричать, что нет –
утихомирим этих дебоширов:
ведь есть на них Сирень и Новичок,
а умствовать их вовсе не просили.
Но вот интересуюсь: правда – в чём?

Петров: Пора бы знать, Боширов. Правда – в силе.
Однако, в путь. Отставить все ля-ля!
Готовность ‘ноль’. Заданье повтори-ка.

Боширов: Есть повторить: подонка Скрипаля
зачистить тихо, без соплей и крика.

Петров: Всё правильно... Нет времени совсем.
(в сторону) Командировочные шеф опять урезал...

(появляется Калиостров в расшитой звёздами мантии с погонами)

Петров: Ба! Калиостров из отдела М –
трёхзвездный маг, знаток телекинеза!
Друг – в Солсбери, с прицелом на собор –
нам нужно позарез и поскорее!

Калиостров: Говно вопрос! О чём, бля, разговор!
Чичас пульнём!

Петров: За мной не заржавеет!

Калиостров: Вы чо, ребята – западло, Сашок,
нам мелочиться, мы же все тут в деле.

(достаёт бутылку) Ну, с богом! По глотку на посошок *(все пьют)*

(Калиостров рисует пентаграмму, помещает в центр пустую бутылку, вращает)

Святой Лаврентий с вами – полетели!

(Гром, молния, Петров и Боширов в клубах пара исчезают в люке на потолке)

Картина 2. Вена, площадь перед собором Св. Стефана, конец XVIII в.

(на сцене из люка в клубах пара появляются Петров и Боширов)

Боширов: Фигасе! Чётко! Солсберецкий шпиль!
Как в википедии писали. Ну – за дело!

Петров (в сторону): Да, в этой партии играется эндшпиль.
Вот только бы прохожих не задело.

Боширов: Блин, как-то странно выглядит народ...
Наверное, опять кино снимают?

Петров: Уж полночь близится. Где этот крот?
(Обращается к Прохожему)
Hey, sir! You know Skripal? *
Не понимает...

Боширов (бормочет): Спасибо, хоть снабдили Новичком...
А прошлый раз такой остался веер,
когда полоний разбавляли кипятком,
что до Москвы вдогонку щёлкал гейгер...

(Появляется Старый скрипач)

Прохожий: Hier ist der Geiger! Ja! Er spielt sehr gut! **

Петров: Вот и Скрипаль... Наверно, под прикрытьем!
Тряпьё надел и в ухо вдел серьгу...
Но не обманешь нас подобной прытью!
Боширов, быстро, где твой Новичок?
Сжимай кольцо, заканчивай облаву!
И скрытно... Скрыт-но!! Прыскай на смычок!
Ну нахрена надел ты балаклаву?!

(Появляется Моцарт в парике с буклями)

Моцарт: Какой, однако, неприятный снег.
И ветер, словно партия гобоя...

(Замечает Боширова в балаклаве в глубине сцены, за спиной Старого скрипача)

Gott ist mit uns!*** Вновь Чёрный человек –

ужасное виденье гробовое...
Ну вот, исчез...

(Обращается к Старому скрипачу)

Старик, развей печаль,
сегодня здесь страданию не место!
Играй! Сорви уныния печать.

(Старый скрипач начинает играть)

Моцарт: Вот молодец! Быстрее... Presto! Presto!
Так это «Дон Жуан»? Нет, куражу
тебе, мой друг, пожалуй, не хватает...
Дай мне смычок и скрипку – покажу!
Послушай: здесь мелодия простая...

(Играет)

Боширов: Ну, всё. А что мне делать с пузырьком?

Петров: Избавься, не тащить же! Брось под куст вон.

(Боширов бросает. Уходят, оглядываясь)

Моцарт: Пойдём, старик! Сальери ты знаком?
Я угощу его твоим искусством!

(уходят)

(Часы на башне собора Св. Стефана бьют полночь)

Занавес

_____

** Эй, сэр! Вы знаете Скрипаля? (англ.)*
*** Вот скрипач! Да! Он очень хорошо играет (нем.)*
**** С нами бог! (нем.)*

ОБ АППАРАТЧИКЕ СКУРАТОВЕ

Вайзору Дивайзеру

Скуратов был аппаратчиком
машины бюрократической,
которая кровь народную
сосала из года в год.
И с силою нерастраченной
он в жизнь воплощал практически
партийной программы вводные,
курируя свой завод.

Вся кровь подавалась планово
в хранилища под Лубянкою,
оттуда по трубкам капельным
в цеха на разлив текла
в Москву, Ленинград, Иваново –
за каждой зелёной склянкою
Скуратов следил внимательно,
учёт проводя стекла.

Доклады писал анапестом,
носил бакенбарды стильные,
речами известный яркими,
любил иногда загнуть
и кровью со знаком качества
снабжал он ряды партийные,
а ночи сжигал с доярками
совхоза «Великий путь».

Вот так он себя растрачивал,
а небо светилось осенью,
доярок глаза красивые
разменивались легко.
...Но кто-то уже затачивал
на старой машинке офисной
большой карандаш осиновый
с серебряным грифельком.

ПОРОСЁНОК ДЖОН

Он знал – его заколют.
Он знал – таков закон
Незыблемый, доколе
Не упразднён бекон.

На смерть без преступленья
Безвинно осуждён,
Борцом сопротивленья
Стал поросёнок Джон.

Сносить такую долю
Сил поросячьих нет!
С посланием на волю
Он вышел в Интернет:

«Казнят меня назавтра
На бойне номер пять,
Чтоб для тебя на завтрак
Я мог беконом стать.

Но знать, что ты родился
Для отбивных – легко ль?
Да, нами бы гордился
Сам Абрахам Линкольн!

Долой свинячье рабство –
Позор родной страны!
Для равенства и братства
Мы, свиньи, рождены!

Мы поднимаем знамя
Трудящихся свиней!
На баррикады с нами,
Под пули и свинец!»

Был мессидж тот достойным
И правильным – канал.
Он по пути на бойню
Пел Интернационал.

Он жил в зловонной луже,
Но призван был на ринг.
И умер он не хуже
Чем Мартин Лютер Кинг.

ЧЁРНЫЙ ШЕРШЕНЬ. ОПЫТ ЭЛЕКТРОЭРОТИЗМА

□ □ □ □

"Перед началом эксплуатации прибора внимательно прочитайте инструкцию" (Инструкция к прибору)

Как бронзовые надкрылья жука
жесткокрылого архостемата отряда Cupedidae,
готового выпустить стрелы/разряды Амура/любви
в самое сердце самки процессора и умереть,
раскрываются шторки эротичной розетки,
защищающей клеммы
токоведущих цепей твоих микросхем,
и призывная дрожь пробегает цепями реле,
словно нервные импульсы в теле влюблённого чешуекрылого мотылька,
антеннами членистых усиков вдруг
коснувшегося невзначай хоботка
своей нимфалиды.
Ах, аксоны искрят, и дендриты на синапсах множат каскадный заряд
любви жуков/мотыльков/пчёл/шершней трудовых.
О, этот чувственный миг сладострастного соприкосновения клемм,
принимающих в лоно штепсельного разъёма
мой напряжённый штекер,
с потрескиванием источающий вездесущие электроны!
Ом! О, его вселенский закон!
Напряжение экспоненциально растёт,
и твоя проводимость текуча, как гелий
близ отметки нуля, и границы/барьеры сопротивленья упали,
мильоны ампер силу тока питают мою.
Ом! Она велика/грандиозна/могуча и готова пробить всю защиту цепи,
сжечь контакты/резисторы/проводники,
вспыхнуть молнией Теслы ярче тысячи солнц,
никакой конденсатор её не удержит, в катушке гудит соленоид,
так сильна моя страсть, что её погасить невозможно
даже тонной асбестовых одеял.
Жалкий тостер сгорает на раз, грубый миксер ломает насадку
для взбиванья яичных белков,
фен, упавший в джакузи, вздымает цунами, обесточив целый квартал.
И весь мир отключается веерно,
накрывается куполом/колоколом/медным экс-тазом,
а над ним с распростертыми крыльями реет гигантский и страшный
Чёрный Шершень, и, как трансформатор,
утробно и трубно гудит.

КСЕНОХОМИЯ

Бледная девушка с маленьким хомячком
Очень торопится не успеть.
Очередь на посадку. Назад, бочком...
Но в чью-то сумку опущена смерть.

Это – Хома. Лиходей. Террорист.
Специально обучен искать провода.
Всё не дождётся – чтоб грызть и грызть.
А под ногами – квадратики-города...

ПИСЬМО МАКБЕТУ

Мой брат Макбет, у нас все хорошо.
Вчера похолодало, снег пошёл
И покрывалом белым лёг на замок.

Ты снился мне. Горел Бирнамский лес.
Он шёл на штурм – и пламя до небес,
А он всё шёл, и каждый ствол был амок.

Вот ты с мечом выходишь из ворот,
Но лес берёт тебя в свой оборот,
И падают обугленные птицы.

И катится с обрыва голова –
Она кричит, но не слышны слова.
И я кричу, не в силах пробудиться...

ПОГРЕБЕНИЕ СВАРЩИКА

Лодка. В ней – полубог. Приоткрытый рот.
Борода рыжа, в ней следы подпалин.
В головах – гармонь. В руках – электрод.
А с груди, прищурившись, смотрит Сталин.
Спи, наш Сварщик. Ты заслужил покой.
Ты был раж, наивен, могуч, отчаян.
Недотроги рыдают: такой, такой...
Он плывёт. И лодка его качает.